

УДК 94(47).08

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КАЛМЫКИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. С. Горяев

Калмыцкий государственный университет, Элиста
E-mail: mergengoryaev@mail.ru

Автор статьи рассматривает установившуюся с середины XIX в. попечительскую систему управления Калмыкией, которая являлась отражением политики правительства, направленной на замену национальных органов власти унифицированными общеимперскими органами власти и управления. Делается вывод, что производимые затем во второй половине XIX – начале XX в. преобразования не являлись коренной перестройкой, представляли собой продолжение и развитие государственных традиций в управлении инородцами.

Ключевые слова: российское правительство, попечительская система, Управление калмыцким народом, Главный попечитель калмыцкого народа, нойон, зайсанг, улусный попечитель, аймачный старшина.

Russian Government Policy in Kalmykia in the Second Half XIX – Early XX Century

M. S. Goryaev

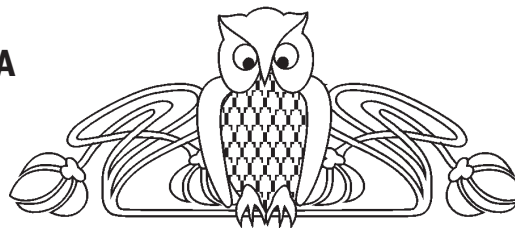
The author considers the trustee system of Kalmykia management that was formed since the mid XIX century. It was a reflection of the Government's policy that was directed to replace national authorities by unified empire-wide authority and control. It is concluded that the produced then in the second half of the XIX – early XX century transformation isn't the radical reconstruction and was the continuation and development of state traditions in the non-Russian management.

Key words: Russian government, trustee system, management of the Kalmyk people, chief trustee of the Kalmyk people, noyon, zaisang, ulus trustee aimak foreman.

Во второй половине XVII в. на юге России в Северном Прикаспии было образовано Калмыцкое ханство, находившееся в вассальной зависимости от Российской империи. На развитии политического курса российского правительства в Калмыкии отразилась его политика, проводившаяся и по отношению ко всем другим народам, которые в разное время вливались в систему российской государственности.

Калмыки были причислены к так называемым «инородцам», к которым относилось неоседлое население страны. Кочевники-инородцы не были полноправными гражданами империи, их права были ограничены, но, с другой стороны, их обязанности были также незначительны, к тому же они имели определенные права самоуправления¹.

Включение в состав России территорий с иноязычным населением ставило перед властью проблему интеграции его в общую правовую

и административную систему. Официальных документов, формулировавших принципы национальной политики царизма в целом, не существовало, поскольку она формулировалась всегда применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе. Однако выявление общих закономерностей ее развития, по мнению В. С. Дякина, вполне возможно².

Б. Н. Мироновым выделены три основных принципа национальной политики Российского государства по отношению к принявшим российское подданство (или присоединенным) народам. Первый заключался в сохранении на инкорпорированных территориях существовавшего ранее административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. Вторым принципом являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, получавшими в большинстве своем права русского дворянства, что облегчало управление данными территориями. Третий состоял в создании некоторых преимуществ в правовом положении нерусских по сравнению с русским населением³.

А. Каппелер также отмечал, что если «нерусские элиты проявляли лояльность к государю и обеспечивали социально-политическую стабильность в своих регионах, их принимали в качестве партнеров. Правительство сотрудничало с ними, гарантировало сохранение их привилегий и придерживалось проверенной практики гибкого прагматизма и толерантности»⁴.

На наш взгляд, соблюдение этих принципов прослеживается в политике правительства Калмыкии. В первое время после добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства в образовавшемся Калмыцком ханстве существовали традиционная административно-территориальная организация, собственные законы («Ик Цааджи»), общественные отношения, быт, уклад, обычаи, религия, язык и культура.

Впоследствии, в условиях российской действительности, они не устранялись, а видоизменялись в соответствии с новыми потребностями. Можно отметить соблюдение и второго принципа национальной политики России. Сохранение привилегированного положения калмыцкой элиты было продиктовано потребностью в наличии своеобразного буфера между центром и народом, что позволяло обеспечивать мобилизацию необходимых ресурсов, в частности мобилизацию калмыцкой конницы для защиты южных и юго-

западных границ России. В правовом положении у калмыков по сравнению с русским населением были некоторые преимущества: так, накануне реформы 1892 г. они не облагались казенными сборами, не несли военной службы (за исключением калмыков-казаков) и т. д.

Административно-политический курс правительства в Калмыкии в целом соответствовал национальной политике государства и был тесно связан, прежде всего, с вопросом эволюции правительственной политики по отношению к калмыцкой знати. Так, лояльность последней и сотрудничество с ней обусловили первоначальное невмешательство центральной власти в существовавшие в калмыцком обществе социальные отношения. Однако затем в поисках оптимального режима отношений с местной знатью правительство стало балансировать между двумя противоположными политическими векторами. С одной стороны, оно усиливало традиционные механизмы легитимации и придавало калмыцкой элите дополнительную устойчивость в отношениях с подвластным населением. Характерными актами в данном случае являются манифест от 16 ноября 1737 г. и указы от 12 мая 1744 г. и 27 июня 1785 г. С другой стороны, русское правительство встало на путь постепенного ограничения прав калмыцкой знати и подчинения калмыков русской администрации. Это осуществлялось в рамках курса на административную интеграцию национальных окраин в состав империи, который с 1863 г. стал всеобщим и форсированным и был дополнен языково-культурной унификацией в форме русификации.

Одна из причин смены этого курса национальной политики, по мнению Б. Н. Миронова, состояла «в необходимости для современного государства, каким становилась Россия после Великих реформ, унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, интегрировать общество по вертикали – через прежние сословные барьеры и по горизонтали – через национально-региональные границы, укрепить связи между всеми частями государственного аппарата независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности»⁵.

С точки зрения А. Каппелера, с середины XIX в. определился ряд новых факторов, которые изменили традиционную национальную политику Российского государства: национальные движения нерусских народов, прежде всего поляков; все более возрастающая необходимость модернизации империи; изменения, происходившие в остальной Европе, где была опробована и получила дальнейшее развитие модель этнически единого национального государства. Под их влиянием в российской политике стали усиливаться тенденции к форсированной административной, социальной и культурной интеграции общества.

Правительство все более заметно отклонялось от традиционных образцов уважения существующего статус-кво, кооперации с лояльными элитами и толерантности, сохраняя при этом приоритеты безопасности и государственного единства.

Кроме того, установка на модернизацию России, неизбежную после Крымской войны, была связана с административной систематизацией и унификацией государственного и общественного устройства. Данная модернизация была направлена также против сохранившихся особых прав и привилегий нерусских элит, особенно если эти элиты уже не представляли собой, как это было в XVIII и начале XIX вв., некую модель прогрессивного развития, а, напротив, составляли препятствие для такого прогресса. Поэтому с 60-х гг. XIX в. на первый план начали выдвигаться задачи административной и языково-культурной унификации. Особенно это относится к периоду правления Александра III (1881–1894), которое «характеризуется усилением политической реакции и проведением «защитной модернизации»⁶.

Попытки унифицирования управления Калмыцкой степью осуществлялись постепенно. Одним из свидетельств этого была происходившая на протяжении XIX–начала XX в. передача Калмыкии из одного ведомства в другое. Так, ранее ведение калмыцкими делами Азиатским департаментом Коллегии иностранных дел в определенной мере подчеркивало ее автономность. Со второй четверти XIX столетия калмыки были подчинены Министерству внутренних дел, а с начала 1838 г. – вновь созданному Министерству государственных имуществ.

Одним из тактических приемов в унификационной деятельности правительства было сохранение некоторых национальных институтов, например, Зарго. Было немало сделано для того, чтобы их структуру и деятельность приблизить к соответствующим российским учреждениям. Попытки представителей калмыцких владельцев сохранить независимость и самостоятельность практически постепенно были сведены на нет. Так, проект управления, выработанный ими в 1822 г. на Зинзилинском собрании, был категорически отвергнут правительством, так как противоречил основной линии царской политики: сосредоточить управление Калмыцкой степью в руках российской администрации⁷.

Форма государственного устройства и управления Калмыкией постепенно определилась к началу XIX в. путем назначения особо уполномоченных лиц при калмыцких ханах и наместников ханства. Введение представительства явилось одним из важных моментов в распространении на калмыцкий народ общероссийского государственного порядка и управления.

С первой четверти XIX в. правительство разработало и начало вводить собственную систему управления калмыками, направленную на дальнейшее ограничение политической самосто-

тельности калмыцких феодалов и подчинение их деятельности надзору со стороны чиновников. Этот курс нашел отражение в ряде законодательных актов первой половины XIX в. Первыми из них явились «Правила для управления калмыцким народом» от 10 марта 1825 г., окончательно оформившие институт приставства в Калмыкии. Эта система надзора была заменена попечительской опекой изданными 24 ноября 1834 г. и 23 апреля 1847 г. «Положениями об управлении калмыцким народом».

По словам министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева, основная цель Положения 1847 г. состояла в том, чтобы «управление народом сделать проще и по возможности сблизить в правилах и порядке с управлением государственными крестьянами, дабы, таким образом, водворяя между калмыками постепенно русские начала, приуготовить их к слиянию с коренными жителями, подобно другим инородцам»⁸. Тем самым министр выразил основные принципы национальной политики центральной власти по отношению к калмыцкому народу.

По мнению Л. С. Бурчиновой, упразднение Зарго, Ламайского духовного правления, расширение полномочий главного попечителя, замена единоличного управления улусом в лице нойона или правителя коллегиальным органом, предусмотренные данными Положениями, свидетельствовали об ограничении автономных начал в управлении калмыками и постепенном подчинении их правительственной администрации. Очевидны были также попытки ограничить в какой-то мере власть двух ведущих социальных групп калмыцкого общества: владельчества и духовенства⁹.

Следует отметить, что данные Положения примечательны также тем, что затронули многие стороны внутренней жизни калмыцкого общества, которых совершенно не касались Правила 1825 г. Это относилось, во-первых, к принципам наследования улусов. Положение 1834 г. узаконило принцип майората – порядок наследования улуса старшим сыном владельца без его дробления. Во-вторых, был точно и ясно определен круг повинностей в пользу владельцев, определены размер албана, права и обязанности нойонов и зайсангов по управлению улусами и аймаками. Причем отныне, в случае «дурного» поведения, главный попечитель с утверждения губернатора мог отстранить их от управления.

Как заметил В. С. Дякин, тенденция к русификации и «православизации» малочисленных народов наметилась еще при Николае I и стала особенно отчетливой в царствование Александра II¹⁰. Мы также можем отметить, что христианизация была важным направлением правительственной политики в Калмыкии. Так, Положением 1847 г. устанавливались определенные льготы для калмыков, изъявивших желание перейти в православие. Нойоны, зайсанги, принявшие христианскую веру, сохраняли все привилегии, имущество, владения

и подвластных калмыков. В случае если последние также крестились, владельцы имели право передать свои владения в казенное ведомство и ежегодно получать из государственной казны сумму, равную годовому доходу от владений. Если православие принимали только калмыки-простолюдины, то нойоны и зайсанги получали от казны вознаграждение – пятилетнюю сумму дохода по числу семейств. Крещеным калмыкам, приобретавшим статус государственных крестьян, оказывалась финансовая помощь нойоном и из государственной казны на хозяйственное обзаведение – до 15 руб. серебром¹¹.

С этим вопросом было связано другое направление правительственной политики, которому также уделялось большое внимание, а именно: мерам по переводу калмыков на оседлый образ жизни. Сенатор князь П. П. Гагарин, проводивший в 1844 г. ревизию калмыцкого управления, отмечал, что его эффективное преобразование невозможно без перевода калмыков на оседлость, потому что кочевая жизнь порождала их болезни, бедность и отсюда разные противоправные поступки. «Обоседление» калмыков, по его мнению, должно было способствовать росту их благосостояния и приобщению к русской культуре и православной религии, то есть это мероприятие влекло за собой изменения в материальной и духовной сфере. Это в свою очередь давало правительству в будущем возможность привлечь калмыков к государственному налогообложению, неизбежная реорганизация управления также позволяла приблизить их к крестьянам¹².

В связи с окончательным введением Калмыкии в состав Астраханского административно-территориального управления и предпринимавшимися правительством мерами по переводу калмыков на оседлый образ жизни был определен статус земель, отведенных калмыкам для кочевий. Положением 1847 г. территория, занимаемая калмыками, была отнесена к казенным землям, находившимся в ведении Министерства государственного имущества, «состоящим у них на правах общего пользования». На отведенных землях разрешалось строить стационарные хозяйства, дома, фабрики, заводы, разводить леса, сады, огороды, заниматься хлебопашеством.

Изданный годом ранее указ от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии», сыгравший определяющую роль в развитии переселенческой деревни Калмыцкой степи, предусматривал создание 44 станиц у дорог, пролегавших через калмыцкие кочевья, в которых могли быть поселены по добровольному согласию калмыки всех сословий.

Однако на деле процессы христианизации и перевода калмыков на оседлость осуществлялись медленно и часто сопровождались сопротивлением и конфликтами. Нойоны и зайсанги порой вместе с духовенством препятствовали переходу подвластных в другую веру и к другому образу

жизни. Как указывается в статье, опубликованной в «Астраханских епархиальных ведомостях» за 1893 г., «особенно сильным и удобным орудием против обратившихся в христианство калмыков был улусный суд (зарго), действовавший по обычному праву калмыков. Так как и председатель, и большинство его членов были калмыцкие буддисты, то решения суда часто были несправедливы и пристрастны по отношению к калмыкам-христианам. ... Русские власти в подобных случаях часто оказывались бессильными...»¹³

Все члены Комиссий и чиновники, участвовавшие в подготовке проектов преобразований в Калмыцкой степи в 60–80-е гг. XIX в., единогласно высказывались за необходимость и неотложность ликвидации обязательных отношений в калмыцком обществе, рассматривавшейся как естественное и закономерное следствие реформы 1861 г. Отмена обязательных отношений сама по себе не могла быть каким-то обособленным событием, она влекла за собой необходимость реорганизации существовавшей системы управления, судопроизводства, налогообложения, а также, что особенно важно, решение вопроса о землепользовании и землевладении в Калмыцкой степи. При рассмотрении проектов было уделено большое внимание проблеме административного деления и устройства системы управления калмыками. Предлагались различные варианты территориального деления калмыцкого населения: вариации традиционной улусно-аймачной системы, новые административные и общественные единицы – стойбища, участки, уезды и т. д. Обсуждались разные проекты будущей системы управления: сохранение попечительской или организация новой, создание переходных временных органов или новых должностей.

Управление калмыцким народом (далее – УКН) придавало большое значение проведению мероприятий по реорганизации местного управления. Предписание Главного попечителя калмыцкого народа от 27 мая 1892 г. за № 2718 обязанности по управлению и председательствованию в улусных судах возлагало на улусных попечителей, их помощников и заведующих отдельными частями улусов.

Поскольку нерешенность вопроса о землепользовании в калмыцких улусах приводила к некоторой неопределенности в системе управления, то улусные попечители вынуждены были искать пути выхода из сложившейся ситуации. Так, осенью 1892 г. исполняющий обязанности попечителя Александровского улуса предложил при распределении на улусном сходе земель и угодий между аймаками и хотонами принимать во внимание не тот фиктивный аймак или хотон, существовавший на бумаге, в котором были старшина и староста, а понимать под аймаком сосредоточенное в данное время на определенной территории известное число кибиток. Предполагалось выделить в этот новый аймак от 150 до 200 кибиток и разделить

его на 10 хотонов, а уже этому новому хотону предоставить право избирать себе старшину и старосту¹⁴. Целью этого нового устройства был скорейший подрыв влияния родовых зайсангов и упорядочение землепользования и распределения общественных должностей. Но из-за отсутствия средств в общественном калмыцком капитале этот план так и не был осуществлен¹⁵.

Через улусных попечителей нойонам-улусовладельцам и родовым зайсангам объявлялось об освобождении их от обязанностей по управлению улусами и аймаками. Обязанности по управлению аймаками поручались аймачным старшинам, для избрания которых следовало созвать аймачные сходы, а затем списки избранных кандидатов доставить в УКН для представления на утверждение губернатора¹⁶.

17 июня 1892 г. В. Башкиров издал приказ № 307 о том, что правители улусов: Багацохуровского – зайсанг Церен Онкоров, Яндыко-Мочажного – зайсанг Эльзете Оргечкиев, Харахусовского – зайсанг Ванька Леджинов, Эркетеневского – зайсанг Басанг Убушиев и управляющий Икицохуровского улуса – зайсанг Ниме Натыров оставлены «на общем основании за штатом с 1 июня 1892 г. с производством им заштатного содержания, согласно приложения ст. 177 Устава о службе граждан, изданной 1876 г., из остатков сметных сумм, назначенных на расходы по калмыцкому управлению». Опекун Александровского улуса нойон Батыка Тюмень с 1 июня 1892 г. считался освобожденным от обязанностей по управлению улусом¹⁷.

Бывшие улусовладельцы и аймачные зайсанги давали улусным попечителям подписки в том, что им было объявлено предписание Главного попечителя калмыцкого народа от 27 мая за № 2718 об освобождении их от обязанностей по управлению улусами и аймаками¹⁸. Зайсанги, занимавшие ранее должности правителей улусов, также давали подписку об оставлении их за штатом¹⁹. Все эти подписки улусные попечители представляли в УКН.

В июне – сентябре 1892 г. для замены в делах управления бывших родовых зайсангов руководителями улусных управлений были собраны аймачные сходы калмыков, на которых избирались аймачные старшины и к ним два кандидата. Все приговоры аймачных сходов были представлены в УКН. С согласия астраханского губернатора Главный попечитель калмыцкого народа в июле – октябре 1892 г. утвердил в должности более 140 аймачных старшин. При этом среди них было около 38 зайсангов и 2 мелкопоместных владельца²⁰.

7 февраля 1894 г. «по Высочайшему повелению были установлены должностные знаки для аймачных старшин калмыков Астраханской губернии», которые они должны были носить при исполнении служебных обязанностей. И уже летом этого же года УКН разослало эти знаки всем улусным попечителям с предписанием выдать ай-

мачным старшинам. Однако затем В. А. Башкиров приостановил их раздачу, решив лично осуществить «возложение высочайше утвержденных должностных знаков на аймачных старшин», что и было сделано им осенью 1894 г.²¹

Кроме того, вместе с должностными знаками выборные калмыцкие представители получили утвержденную Главным попечителем калмыцкого народа «Инструкцию аймачным старшинам и хотонным старостам» от 15 сентября 1894 г. Согласно ей аймачные старшины наделялись рядом административных функций: они должны были «объявлять по предписаниям улусных попечителей или заведующих отдельными частями улусов законы и распоряжения Правительства»; доносить улусному попечителю обо всех происшествиях в аймаке (пожарах, наводнениях, болезнях, преступлениях и т. п.); принимать «первоначальные меры к прекращению дальнейшего распространения болезней»; «наблюдать, чтобы калмыки не вступали ни в какие сделки по земельным вопросам с посторонними лицами...»²²

На них была возложена обязанность по выдаче удостоверений калмыкам, отлучающимся на заработки или по другим делам за пределы своего улуса. По этим удостоверениям улусные попечители или заведующие отдельными частями улусов выдавали свидетельства на кратковременную отлучку (не более 1 месяца) и билеты для найма в работы (на полгода). Еще они должны были выдавать удостоверения на скот, отправляемый из аймака, о том, что он направляется из «благоприятной местности», то есть не страдающей от эпизоотий.

Аймачные старшины обязаны были обеспечивать исправное исполнение денежных и натуральных повинностей: оказывать демчегам «всевозможное содействие во взыскании с калмыков казенных и мирских сборов», «уклоняющихся от уплаты сборов, а также не имеющих средств к уплате таковых» отдавать в работы до полного платежа. При этом им также поручалось наблюдение, чтобы демчеи выдавали калмыкам квитанции о получении с них денег²³.

Помимо всего этого на аймачных старшин возлагалось исполнение некоторых обязанностей полицейского характера: охранять «благочиние и безопасность лиц и имуществ от преступных действий...»; задерживать бродяг и беглых; не допускать продажи калмыкам алкоголя. Для поддержания в аймаке порядка, тишины и спокойствия старшины должны были «как можно чаще разъезжать по своим аймакам».

Также они обязаны были оказывать содействие различным должностным лицам: демчегам – во взимании сборов, рассыльным улусных правлений – в исполнении данных им поручений, полицейским стражникам – в предъявлении калмыкам судебных повесток или в их приводе²⁴.

При этом были и некоторые ограничения их деятельности. Например, им запрещалось

отлучаться за пределы улуса без разрешения начальства, собирать без разрешения главного попечителя аймачные сходы и составлять на них какие-либо приговоры, прошения, жалобы. Потому что на улусных и аймачных сходах могли обсуждаться только те вопросы, которые предложат улусное управление или попечитель улуса, другие вопросы без разрешения обсуждаться не могли.

Ближайшими помощниками аймачных старшин по управлению хотонами были хотонные старосты, которые должны были во всем им подчиняться и исполнять «все их законные требования». Старостам запрещалось «непосредственное сношение с улусным начальством по делам своего хотона»²⁵.

Дальнейшим шагом в приближении системы управления калмыками к общероссийской стала передача с 1897 г. функций главного попечителя калмыцкого народа астраханскому губернатору. При Астраханском губернском правлении было образовано Главное управление калмыцким народом, представлявшее собой особую канцелярию губернатора по калмыцким делам, её возглавлял заведующий калмыцким народом. Ему подчинялись улусные попечители и управления, получавшие указания, инструкции, отношения, к тому же они утверждали приговоры органов самоуправления Калмыцкой степи.

Изданием каждого последующего акта конкретизировались и дополнялись основные принципы административного управления калмыками, уточнялись и усложнялись правомочия чиновников управления. Реформа 1892 г. стала очередным шагом в этой политике. Отменив владельческие права калмыцких феодалов, правительство отстранило их от управления улусами и аймаками. С передачей их функций улусным попечителям объем полномочий и власти последних значительно увеличился. Последующими мероприятиями существовавшая попечительская система управления была усилена, но в остальном, во внешнем оформлении, не претерпела сильных изменений.

После проведения реформы начал осуществляться перевод Калмыцкой степи в ведение Министерства внутренних дел. К началу 1894 г. часть УКН была передана соответствующей части Астраханского губернского правления, улусные школы и Астраханское калмыцкое училище были подчинены надзору инспекции народных училищ губернии, под контроль губернского прокурора были поставлены помощники улусных попечителей по судебнo-следственным делам, губернские контрольные учреждения стали ревизовать общественный калмыцкий капитал. Эти меры завершил закон 23 декабря 1902 г. о передаче управления калмыками из Министерства земледелия и государственных имуществ в ведение земского отдела МВД. В результате УКН перешло в полное подчинение Астраханского губернского правления, и была ликвидирована двойственность управления калмыцким народом²⁶.

Так как последним признаком административной автономии оставалось традиционное деление на улусы, аймаки и хотоны, правительство начало предпринимать шаги по их упразднению и разрабатывать соответствующие проекты введения в Калмыкии общероссийского сельского административного деления.

В 1904 г. был рассмотрен разработанный в Министерстве внутренних дел проект преобразования Большедербетовского улуса Ставропольской губернии в 6-й земской участок Медвежинского уезда с введением общего для сельского населения России административного деления и общих крестьянских установлений. Несмотря на поддержку некоторых представителей привилегированных слоев калмыцкого населения улуса, он не был реализован. А. Н. Команджаев приводит несколько причин этого: революционные события 1905–1907 гг., необходимость пересмотра самого общего положения о крестьянах, радикальность проекта (отсутствие учета национальных, хозяйственных и других особенностей калмыков улуса), который вызывал отрицательное отношение остальной части населения²⁷.

Административное переустройство предполагалось осуществить и в Калмыцкой степи Астраханской губернии. С этой целью был разработан проект о преобразовании ее в Павловский уезд с центром в поселке Яшкуль или селе Элиста (с переименованием в г. Павловск). В 1910 г. он был утвержден в МВД для последующего внесения в законодательные инстанции, но его реализация сначала затянулась в связи с решением вопроса о будущем уездном центре. Выбор был остановлен на селе Элиста, в пользу которого говорили географическое расположение в центральной части степи и большая развитость в селе сети торгово-промышленных заведений, в том числе проведение здесь крупной ярмарки. Однако затем в силу разных причин правительство вынуждено было ограничиться проведением административной реформы 1910 г.²⁸

Следует заметить, что вопросу о преобразовании административного устройства Калмыкии уделялось большое внимание в проектах всех Комиссий и Главных попечителей, занимавшихся подготовкой реформы 1892 г. Предлагались различные варианты, например, отменить улусно-аймачное деление или преобразовать ее путем создания численно или территориально определенных единиц. Так, К. И. Костенков являлся сторонником замены аймаков родами, что, в сущности, было направлено против сословия зайсангов, которое Главным попечитель планировал постепенно уничтожить²⁹.

В 1905 г. на улусных сходах было принято решение о соединении аймаков, однако, как признала затем администрация, «предположения эти... не получили дальнейшего развития ввиду предполагавшейся тогда общей реформы управления в Калмыцкой степи». Этот вопрос позднее

поднимался на съезде улусных попечителей в 1908 г., на котором было принято решение ходатайствовать об изменении административного деления Калмыкии из-за сложности управления большим количеством мелких аймаков и хотонов, произошедших внутренних миграционных процессов и т. д. В решении, в частности, отмечалось, что «аймаки сами между собою стали группироваться из кибиток, связанных общностью интересов, и состав прежних административных аймаков распался...»³⁰.

С 1 января 1910 г. вместо 198 существовавших ранее аймаков, в которых насчитывалось 772 хотона, были образованы 43 аймака с 180 хотонами. При этом количество улусов и их границы остались прежними. Аймаки и хотоны были укрупнены и приравнены к волостям и селам соответственно и теперь они строились по территориальному признаку и количественному составу населения (в аймаке было до 2000 кибиток-семей). Таким образом, административная реформа 1910 г. унифицировала по статусу и в правах аймаки и хотоны Калмыкии с низовыми административно-территориальными единицами страны³¹.

Другим итогом данной реформы было сокращение управленческого аппарата: до 1910 г. на 142 тыс. человек, или на 31 372 кибитки, приходилось чиновников различного уровня 13 231 чел., то есть 1 чиновник на 110 человек. Теперь же численность должностных лиц (прежде всего, на уровне хотонов и аймаков) значительно сократилась и соответственно несколько уменьшилась сумма налогов на общественное управление³².

Во второй половине XIX в. управление калмыцким народом осуществлялось в рамках административной системы, созданной в первой половине столетия на основе вышеупомянутых законов и получившей название «попечительской системы». Она отражала стремление правительства заменить национальные органы власти унифицированными общеимперскими органами власти и управления.

По мнению К. Н. Максимова, осуществление попечительства было направлено на усовершенствование жизни и быта, правового положения сословий, социальных групп населения, чтобы ускорить их вхождение, интеграцию в социальную структуру российского общества. Особое внимание было уделено внедрению усовершенствованных методов хозяйствования, развитию новых отраслей хозяйства, земледелия, культуры, образования. Однако все эти мероприятия проводились за счет средств прежде всего фонда общественного капитала. Они были рассчитаны на увеличение доходов от калмыцкой экономики, формирование опоры царизма из числа местной феодальной верхушки, преодоление национальных особенностей калмыков в составе населения России³³. Фактически попечительство превратилось в строгую систему государственной опеки

над калмыками через центральные и местные государственные органы, законодательство, религию путем бюрократизации и монополизации управления и контроля, регламентации всей сферы жизни калмыков. Усиление в России бюрократического централизма с первой половины XIX в. сказалось и на устройстве управления Калмыкии.

Несмотря на осуществление в стране крупных преобразований 60–70-х гг. XIX в., система управления Калмыкии, установленная к середине столетия, и ее взаимоотношения с центральными и губернскими органами власти оставались длительное время почти без изменений. Однако происходившие в России процессы вынуждали правительство приступить к проведению реформ в Калмыцкой степи, в том числе и реорганизации управления. Последнее, кроме прочего, было составной частью и следствием ликвидации владельческих прав калмыцких нойонов и зайсангов, необходимость которой стала очевидной после 1861 г., но была осуществлена лишь в 1892 г.

Согласно закону от 16 марта 1892 г. система управления Калмыкией считалась временной. Калмыки оставались в ведении Министерства государственных имуществ. До проведения основных реформ в бывших владельческих улусах устанавливалось такое же управление, что и в казенных: управленческие функции нойонов передавались улусным попечителям, а зайсангов – выборным аймачным старшинам.

Эта замена в управлении улусами и аймаками была проведена в мае – июне 1892 г. Обязанности по председательствованию в улусных судах, лежавшие ранее на нойонах-улусовладельцах и улусных правителях, были возложены на улусных попечителей, их помощников и заведующих отдельными частями улусов. Ряд улусных правителей был оставлен «на общем основании за штатом с 1 июня 1892 г. с производством им заштатного содержания». Бывшие улусовладельцы и аймачные зайсанги давали улусным попечителям подписки в том, что им было объявлено предписание главного попечителя калмыцкого народа об освобождении их от обязанностей по управлению улусами и аймаками.

В июне – сентябре 1892 г. для замены в делах управления бывших родовых зайсангов руководителями улусных управлений были собраны аймачные сходы калмыков, на которых избирались аймачные старшины и к ним два кандидата. В июле – октябре с согласия астраханского губернатора главный попечитель В. А. Башкиров утвердил в должности более 140 аймачных старшин. Следует обратить внимание на тот факт, что среди них было лишь около 38 зайсангов и 2 мелкопоместных владельца, большинство же составляли калмыки-простолюдины.

На наш взгляд, следует согласиться с К. Н. Максимовым в том, что законом от 16 марта 1892 г. Калмыкия была интегрирована в губернское и общероссийское внутреннее устройство.

Итак, установившаяся с середины XIX в. попечительская система управления Калмыкией являлась отражением политики правительства, направленной на замену национальных органов власти унифицированными общеимперскими органами власти и управления, а также на ограничение прав калмыцких привилегированных сословий. Производимые затем во второй половине XIX – начале XX в. преобразования не являлись коренной перестройкой, представляли собой продолжение и развитие государственных традиций в управлении инородцами.

Примечания

- ¹ *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2002. С. 47–50.
- ² *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 131.
- ³ *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 30–31.
- ⁴ *Каппелер А.* Указ. соч. С. 183.
- ⁵ *Мионов Б. Н.* Указ. соч. С. 37–41.
- ⁶ *Каппелер А.* Указ. соч. С. 183, 190, 197, 205.
- ⁷ *Чужжинов А. А.* К вопросу о превращении Калмыкии во внутреннюю провинцию Российской империи (первая половина XIX в.) // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 57–58.
- ⁸ Цит. по: *Наберухин А. И.* Калмыкия в трех революциях. Элиста, 1987. С. 14.
- ⁹ *Бурчинова Л. С.* Из истории управления калмыцким народом (XIX век) // Труды молодых ученых. Вып. 3. Серия истории и филологии. Элиста, 1973. С. 65–66.
- ¹⁰ *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 135.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. Собр. 2-е (1825–1881). Т. XXII. 1847 г. СПб., 1848. Отд. 1. № 21144. С. 352–354.
- ¹² *Белоусов С. С.* Разработка государственной программы заселения территорий вдоль дорог на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний в первой половине XIX в. // Россия сельская. XIX–начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. М., 2004. С. 80.
- ¹³ Астраханские епархиальные ведомости. 1893. С. 344.
- ¹⁴ Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. 9. Оп. 5. Д. 640. Л. 3–3 об.
- ¹⁵ *Деев С. Ю.* Подготовка и проведение реформы 1892 г. // Вестник КИГИ РАН. Элиста, 2003. С. 191.
- ¹⁶ НА РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 17–18.
- ¹⁷ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 114. Л. 14.
- ¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 452. Л. 73–76; Ф. 9. Оп. 5. Д. 427. Л. 12–15, 34–41, 142–154.
- ¹⁹ Там же. Д. 427. Л. 25–26.
- ²⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 114. Л. 23–26, 34–35, 39–43.
- ²¹ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 75–79.

- ²² НА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 252–257; Ф. 15. Оп. 4. Д. 15. Л. 4–6.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. Собр 3-е (1881–1913). Т. XXII. 1902 г. СПб., 1904. Отд. 2. № 22323.
- ²⁷ Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. Элиста, 1999. С. 59–60.
- ²⁸ Там же. С. 55–56.
- ²⁹ Деев С. Ю. Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии (1860–1882 гг.) // Вестник КИСЭПИ. № 1. Элиста, 2003. С. 168.
- ³⁰ Команджаев А. Н. Указ. соч. С. 56.
- ³¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Т. 1. М., 1967. С. 369.
- ³² Команджаев А. Н. Указ. соч. С. 57.
- ³³ Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002. С. 200–201.

УДК 94 (470.44–25). 083

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ПЕРВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В САРАТОВЕ

Н. А. Троицкий

Саратовский государственный университет
E-mail: izdat@sgu.ru

В статье исследуется громкий судебный процесс по делу о первой в Саратове уличной политической демонстрации 6 мая 1902 г. – характер, особенности (политические, юридические, нравственные) и значение демонстрации и суда над демонстрантами.

Ключевые слова: демонстрация, суд, обвинение, адвокатура, приговор.

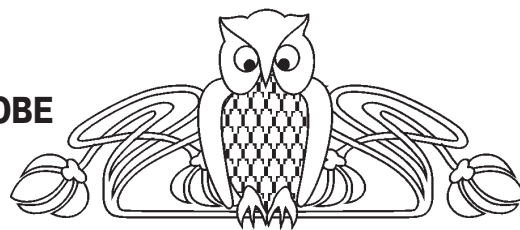
The Trial of the First Political Demonstration in Saratov

N. A. Troitsky

The article investigates a loud trial of the first in Saratov political street demonstration of the May 6, 1902 – the nature, characteristics (political, legal, moral) and significance of demonstration and trial of the demonstrators.

Key words: demonstration, court, prosecution, advocacy, verdict.

Первая в истории Саратова уличная политическая демонстрация состоялась в воскресенье 6 мая 1902 г. То было время, когда «революции тесно становилось в подполье, и она рвалась на улицу», – вспоминал присяжный поверенный М. Л. Мандельштам, выступавший на суде по делу о саратовской демонстрации¹. Правда, здесь, как и в подобных демонстрациях конца XIX в. (к примеру, Казанской 1876 и Добролюбовской 1886 г. в Петербурге), преобладала интеллигентная молодежь, хотя по всей России уже втягивались в революционную борьбу народные массы. Почему так? – «ведь Саратов считался всегда самым передовым и революционным городом Поволжья»². На этот вопрос М. Л. Мандельштам отвечал веско: «В Саратове тогда пролетариат составлял незначительную горсть населения, а потому не мог осознать своего качества в своем качестве»³.

Как бы то ни было, майская демонстрация в Саратове 1902 г. оказалась политически значимой и повлекла за собой громкий политический процесс. В известном справочнике под редакцией Л. И. Гольдмана сказано, что демонстрация «была организована социалистами-революционерами»⁴. Но, как явствует из текста воззваний, разбросанных перед демонстрацией «в разных концах города», организовала ее «Объединенная группа социал-демократов и социалистов-революционеров»⁵. Демонстрация готовилась заранее, но определяющим толчком к ней послужило известие о казни 3 мая в Шлиссельбургской крепости эсера Степана Балмашева, который был сыном очень уважаемого в общественных кругах Саратова местного революционера-народника В. А. Балмашева⁶. Демонстранты несли четыре флага – три красных и один черный (траурный?) с фамилией Балмашева и надписью белыми буквами: «Вечная память герою»⁷.

Общее количество участников демонстрации не подсчитывалось. В обвинительном акте речь шла об их «публичном шествии толпою» «с целью дерзостного порицания установленного законами образа правления, каковое порицание и было выражено выставлением флагов с революционными надписями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует народное правление!», разбрасыванием преступного содержания воззваний и пением противоправительственных песен»⁸. Эта «цель» и была инкриминирована каждому из участников «публичного шествия толпою». «Здесь было много, очень много учащейся молодежи, – вспоминал М. Л. Мандельштам, – были выходцы из привилегированных классов, которых вывели на улицу не их классовые интересы, а веления совести и побуждения справедливости»⁹. Среди них